

ВЯЧЕСЛАВ МОРОЗОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕЛЬ

К 120-летию Сергея Антоновича Клычкова

*..Такое чувство, будто поэты
рождались испить Христову чашу.*
Владимир Личутин

I

Так поначалу назывался первый роман Сергея Антоновича Клычкова “Сахарный немец”, опубликованный в сокращённом варианте (журнал “Красная новь”). Так затем называли и его самого – последним Лелем русской литературы. Николай Клюев назвал роман “мечом словесным за русскую красоту” и выстроил преемственный ряд: Гоголь – Лесков – Мельников-Печерский – Клычков. Лель – славянский бог любви и страсти (всем знакомо слово *лелеть* – нежить, любить), сын богини красоты Лады – не поражал сердца стрелами, как Амур или Эрос, он возжигал их любовным пламенем.

Первая мировая война для поэта стала одним из самых больших потрясений. 1 января 1917 года он писал своему другу Петру Журову, с которым ходил пешком из Талдома на озеро Светлояр, на дне коего, по преданию, упокоен необыкновенный в своей таинственной единственности град Китеж: “Прости меня за такое долгое молчание, за то, что не отозвался на твой голос, причиной была – пустыня души, которая у меня как-то съежилась, завяла с первого дня этой войны. Первый выстрел будто разбудил, ошеломил, накинулся на меня, как вор, на дороге жизни, и сделал меня из богача нищим”. Мундир младшего офицера он, находясь в Балаклаве, снял с себя одним из первых: потомственный мужик от сохи и сапожной липки, какое там “ваше благородие”!.. Да, окончил школу прапорщиков – так туда и не рвался: направили как владеющего грамотой, в писаря определили...

Гражданская война обошлась без воина Сергея – на чьей бы то ни было стороне, но зацепить – зацепила крепко. В начале 1918 года поэт женится на талдомчанке Евгении Лобовой (шафер – скульптор Сергей Конёнков), давней своей юношеской несчастной любви (предпочла его другому – по молодой глупости и без любви, как вспоминала она сама), от которой, как писал он в “Автобиографии”, “вздумал я было наложить на себя руки”. Война разрушила семью красавицы Евгении – муж погиб на фронте. Новобрачная жалуется на слабые лёгкие, страстно влюблённый и счастливый молодой муж (сам понюхавший на фронте немецкие отравляющие газы) решается на безумно авантюрный поступок: отправляет жену в Крым, занятый врангелевцами, и едет следом, запасая охранной грамотой от М. И. Калинина. Здесь его дважды приговаривают к расстрелу. Один раз – белые по доносу (точнее, пущенному слуху), что “приехал красный комиссар”, другой раз – вольные птенцы из Гуляй-Поля батьки Махно, на станции Чонгар, заподозрившие в Клычкове переодетого священника (у него были длинные чёрные волосы),

потом — “жида пархатого”, которых анархист-социалист Нестор Иванович жаловал избранно и под настроение. Повезло ему тоже два раза...

Имя Сергея Клычкова — житейски и творчески — напрямую связано с именами Есенина, Пришвина, Конёнкова (гостевали и живали у него в Дубровках), Блока, Куприна, Городецкого, Клюева, Белого, Ахматовой, Радимова, Шириявца, Алексея Ганина, Пимена Карпова, Ивана Приблудного (Овчаренко), Петра Орешина, Максимилиана Волошина, Львова-Рогачевского, Модеста Ильича Чайковского (брата композитора), Бориса Садовского, Леонида Леонова (был крёстным отцом дочери Евгении), Бальмонта, Осипа и Надежды Мандельштам и других известных людей своего времени. Есенин, никогда не бывший щедрым на восторженные характеристики братьям по цеху, в своей программной статье “Ключи Марии” назвал Клычкова “истинно прекрасным народным поэтом”. Насколько известно, больше никого он так печатно не называл. Фраза короткая, но весомая, особенно если заострить читательское внимание на слово “народный”. У “малых” народов СССР, РСФСР (позже и “новой России”) до сих пор существуют вполне узаконенные звания “народный поэт Дагестана”, “народный поэт Башкортостана”, “народный поэт Татарстана”, Чечни или Бурятии, но никогда мне не встречалось определения “народный русский поэт” — либо: “народный русский писатель”. С чего бы это? От излишней славянской скромности либо от чего-то другого?.. Сам Есенин — не народный поэт? Лесков, Горький, Леонов, Распутин, Шукшин, Белов (список длинный) — разве не народные русские писатели?.. Пусть хотя бы есенинский авторитет послужит неким подспорьем этому вопросу. А он, вопрос этот, отнюдь какой не простой и не всеу заданный...

...Сергей Клычков (и многие — иже с ним) к началу 30-х годов пережил такие литературные ипостаси: русский поэт, “крестьянствующий поэт”, “новокрестьянский поэт”, “мужиковствующий”, “бард кулацкой деревни”, “бард кулацко-столыпинской России”, “рупор кулацкой идеологии”, “мракобес”, “верный ученик отца кулацкой литературы Н. Клюева” — и т. п. В 1930 году ему было позволено издать седьмой по счёту и последний сборник оригинальных стихотворений под названием “В гостях у журавлей”.

Затравленный самоназванными “марксистскими критиками”, поэт в этом сборнике предстаёт перед читателем уже совсем не похожим на того, которого когда-то Сергей Городецкий назвал “птицей певчею”: “повёл очами — и запел”, на поэзию которого (всего лишь первые журнальные публикации!) В. Вересаев в письме И. Бунину советовал обратить внимание, а Н. Гумилёв одобрил её со сдержанным достоинством, равно как и А. Блок (“...Вы уже в литературе, так что помощи моей Вам не надо”)... Если в 1912 году Клычков пишет: “...милая, прекрасная Муза!”, то в 1924-м — “Нерадостная Муза, неверная жена, / Чья ласка, как обуза, / Улыбка, как вина”. В “Кольце Ляды” (1919 г.) встречается жизнерадостное стихотворение “Зима”:

*По-за лугу у крылечка
Льётся Речка-Быстротечка:
Берега её убраны
В янтари и жемчуга!*

В последнем сборнике (1930 г.) зима описана иначе:

*Плывёт луна и воют волки,
В безумии ощерив рот,
И ель со снежною кошёлкой
Стоит, поникнув, у ворот!..*

*Закрыв метельный саван всполье,
И дальний лес, и пустоша...
И где с такой тоской и болью
Укроется теперь душа?..*

*Всё слилось в этом древнем мире,
И стало всё теперь сродни:
И звёзд мерцание в эфире,
И волчьи на снегу огни!..*

Слово “саван” уже прозвучало... В 1929 же году он пишет откровенное и чудовищное по искренности признание, в котором уже звучит полная обречённость и – никакой надежды на светлое будущее. Лично для себя. Хотя в сохранившихся дневниковых листках появляются такие (не датированные) записи: “Всё – во благо!!!” Затем, в какой-то иной день добавлено: “Всё!” И следом – “Надо, надо терпеть!” Ещё немногим позже: “Ничто так не обкрадывает меня, как хождение по советским учреждениям... Во благо ли это?” И – несомненно выстраданное и не раз обдуманное: “В наше время особенно и очевидно (неосуществимы) три вещи: подвиг – потому что смешон, жертва – потому что бессмысленна, борьба – потому что невозможна”.

*Меня раздели донага,
И достоверней были
На лбу приделали рога
И хвост гвоздём прибили...*

*Пух из подушки растрясли
И вывалили в дёгте,
И у меня вдруг отросли
И в самом деле когти...*

*И вот я с парюю клешней
Теперь в чертей не верю,
Узнав, что человек страшней
И злей любого зверя...*

Когти у Сергея Антоновича так и не отросли – он по своей природе был не злобным и не воинственным. Однако ж кто был его “чернила и крови смеситель” (О. Мандельштам)? Сначала это был Пролеткульт, курируемый Н. К. Крупской, лично составлявшей список запрещённых к переизданию русских классиков, куда угодила и самая загадочная пушкинская “Сказка о золотом петушке...”, поскольку в ней упоминается – пусть мифический, придуманный, нехороший, но всё-таки – “царь Дадон”... Почти всё, что было написано до 1917 года, было объявлено “буржуазно-дворянской литературой, идеологически враждебной пролетариату”. На смену Пролеткульту пришёл РАПП – Российская Ассоциация пролетарских писателей, в руководстве которой находились весьма хищные и предприимчивые люди, к пролетариату не имеющие отношения даже малейшего. РАПП – хлёткая, рычащая аббревиатура, напоминающая возглас, сопровождающий удар кнута. Их литературный орган, журнал “На посту” (позже – “На литературном посту”), столь бдительно следил за проявлением вражеских вылазок в литературе, что доставалось по сопатке даже А. М. Горькому – “основоположнику пролетарской социалистической литературы”, это сделал “барометрейший” Леопольд Авербах, которого Горький своим влиянием и авторитетом сумел оставить в Оргкомитете по созданию Союза писателей СССР. Который, чтобы остаться “у руля” русской литературы (или хоть у “гирокомпаса”), специально ездил с покаянием на о. Капри, когда постановлением ЦК ВКП(б) РАПП был распущен. Даже Владимир Маяковский был объявлен не революционным поэтом, а всего лишь “попутчиком”; он был принят в РАПП в порядке “заслуженного недоразумения” незадолго до роспуска этой недоброй памяти “конторы” – весь в огляде на своё творческое минувшее, не видя уже для себя перспектив. Михаил Пришвин, прочитав о себе такое определение, раздражённо записал в дневнике: “Какой я вам попутчик? Я вам – отец!” Как писал современник, “одного взмаха “напостовской дубинки” было достаточно, чтобы “попутчик” превратился во “врага”. Об интеллектуальном уровне некоторых “пролетарских писателей” весьма саморечиво говорит случай с Андреем Белым, которого в 1934 году пригласили на 1-й съезд Союза писателей СССР. 54-летний Борис Николаевич Бугаев, полагая, что он, как и Пришвин, не попутчик, а “отец”, сунулся в двери, не предъявляя пригласительного билета. “Куды прёшь?” – вежливо поинтересовался пролетарский писатель, дежуривший у входа. Старый поэт и прозаик слегка оторопел: “Я – Белый! Андрей Белый!...” “Тады тебе, мил человек, прямой путь на Лубянку: а то последних белых мы ещё в 20-е в Кры-

му перетопили да в Тихом океане. А тут уж, извини, сегодня – одни *красные* писателя!..” Это случилось 17 августа упомянутого года. В этом же году Белый и скончался, так и не сподобившись стать “красным”.

Загадочно ушедший из жизни Есенин, друг Клычкова, оставался бельмом в глазу “напостовцев” даже после своей смерти. Разумеется, те, кому надо, хорошо помнили, что есенинское стихотворение “Не жалею, не зову, не плачу...”, ставшее впоследствии любимым народным романсом, было впервые опубликовано с посвящением Сергею Клычкову. “. . . Я не буду больше молодым” – это разве не упадничество?!

С “есенинщиной” воевали в союзных и автономных республиках, даже в далёкой Болгарии: там, в центральном литературном журнале “Наковалня”, начали публиковать анитиесенинские статьи Д. Полянова и Г. Бакалова (именем последнего нынче называется самое крупное издательство в Софии). Как это ни печально, но литературный посыл этой вахханалии дал А. М. Горький, который сначала напечатал в Берлине в начале 20-х годов свои очерки о русском крестьянстве, назвав его реакционным классом, которого и жалеть-то не стоит: мол, если завтра последний крестьянин исчезнет с лица земли, то послезавтра пролетариат сам научится выращивать лабораторное зерно в пробирке.

Клычков, знакомый с Горьким (и Луначарским) по Капри, куда отправил его в путешествие и избавление “от несчастной любви” Модест Ильич Чайковский (февраль 1908 года), через 17 лет после знакомства посылает ему свой первый роман “Сахарный немец” с надписью: “Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову в знак давнишней каприйской любви и почтительного уважения к Максиму Горькому”. Из Сорренто пришёл ответ: “Всюду встречаешь отлично сделанные фразы, меткие, пахучие слова, везде звонкий, весёлый и целомудренно чистый великорусский язык. Злоупотребление “местными речениями” – умеренное, что тоже является заслугой в наши дни эпидемического помешательства и некрасивого щегольства “фольклором”. Отметил Горький и сказку “Ахламон”, которая, по его словам, “безукоризненно сделана”.

Однако сколько тайн хранит в себе бездонная человеческая душа!.. Немовверно работоспособный писатель и прочитатель чужих произведений и рукописей (просто непостижимо – сколько он успевал прочитывать и всегда отмечать именно *главное*), безукоризненный *литературный* критик, Алексей Максимович, отправив Клычкову почти восторженное письмо, тут же строчит другое – влиятельному партийцу Николаю Бухарину (от 13 июля 1925 г.), в котором предлагает уже *программу* борьбы с “крестьянской опасностью” в литературе, приведя в пример “Сахарного немца” Клычкова и стихи Павла Радимова. Горький подсказывает Бухарину (который печатно изливал душу, что долго верил, будто его отец – сам дьявол, и пытал мать: не в блюде ли она зачала его в своём чреве – потомок сатаны мог родиться только от блудницы!..), что ни в коем случае не нужно административно подавлять творчество “писателей-крестьян”, “но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть дана теперь же...” Что ж, во всяком случае, почти гуманно... Ещё через 8 лет на записке Н. А. Славятинского, где значилось, что известные ему попытки некоторых писателей – в том числе Н. Клюева и С. Клычкова, – “опереться на фольклор” носили “реакционный характер”, Горький поставит жёсткую резолюцию: “Очень верно!”, подчеркнув завыченные слова... Фольклор, душа любого народа, вдруг был объявлен “реакционным”!.. Вот и пойми Алексея Максимовича – отчего у него выработалось такое нехорошее отношение к фольклору и “местным” речениям!..

“Любимец всей партии” понял всё правильно. 12 января 1927 года “Правда” публикует бухаринские “Злые заметки”, февральский номер журнала “Октябрь” их дублирует, следом большим тиражом выходит и отдельная брошюра. Вслед за публикацией этой “хулиганской статьи” (М. М. Пришвин) повсеместно начинают организовываться дискуссии об упаднической поэзии С. Есенина и о губительном влиянии его на советскую литературу. Рапповцы-напостовцы выезжают с “литературными десантами” в глубинку для организации таких дискуссий. Разумеется, всякая (пусть и в прошлом!) связь с Есениным уже автоматически приравнивалась к посещению лепрозория без должного карантина. “Литературная энциклопедия” пишет, что с большой долей уверенности Есенина можно отнести к поэтам кулачества. Автор беспримерного слово- и мыслетолкования – сотрудник Комакадемии Осип Мар-

тынович Бескин. Он и стал для Сергея Клычкова тем главным смесителем чернила и крови, не пропуская ни одной публикации своей будущей жертвы или печатной его реплики. Впрочем, после 1930 года Клычкову лишь дважды позволили ответить в “Литературной газете” на откровенное жульничество со стороны “критики”, — но лишь затем, чтобы ещё раз растолковать и продемонстрировать читателям и подписчикам хищный оскал затаившегося “кулацкого прихвостня”. Изданная в 1930 году книжка “В гостях у журавлей” получила семь убийственных рецензий. Вскоре издаётся учебник современной советской литературы, где авторы Поляк и Тагер в разделе “Кулацкая литература” мелко дробят косточки, по существу — уже и так раздавленному поэту, несравненному прозаику. Книга предназначена для будущих преподавателей литературы во всех краях необъятной России; все её постулаты учителя должны передать детям — вестникам грядущего...

Журнал “На подъёме”, сообщая об итогах Всероссийского съезда крестьянских писателей, уведомил своих читателей, что “старые реакционные писатели типа Клычкова и Клюева к крестьянским писателям не имеют никакого отношения”. И здесь — отлучение...

Сергей Антонович, не зная, чем с утра покормить новую семью (женился во второй раз на писательнице Варваре Горбачёвой, “героине своих обязанностей”, по слову В. Белинского), опять идёт на поклон к Максиму Горькому — признанному авторитету как в литературной, так и в политической среде. Алексей Максимович прекрасно понимал, что, невзирая на свой авторитет, писательской плетью политического обуха не перешибёшь, советует Клычкову заняться переводами. Клычков переводит марийские народные песни, грузинских народных поэтов — Акакия Церетели, Георгия Леонидзе, других не менее талантливых авторов, издаёт стихотворный сборник “Сараспан”. Помещённый в этом сборнике перевод узбекской легенды “Мудрец Эдыга” в черновом варианте заканчивается “отсебятиной” — выкриком наболевшей, бессмысленно и беспричинно затравленной души, хотя слабый отсвет надежды всё-таки в ней есть...

*Хлопнув по бокам поджарым,
Я сам-друг — Сергей Клычков
Был бы к утречку таков.
Взвился б под моим тулпаром
Ярым громом звон подков,
Разметалась бы пожаром
Грива ввысь до облаков,
И уж был бы я не старым
Стариком из стариков,
Сбросив тяжкое беремя
Девятнадцати веков
Да простившись со всеми,
Кто отстал или устал,
Смело вденув ногу в стремя,
Я бы юношею стал,
И догнал бы я, нагнал
И судьбу свою, и время!*

По милости главного редактора он помещает в “Новом мире” небольшие рецензии на вышедшие книги, подписывая их не фамилией, а буквами — “С. К.”, “К. С.” или просто — “К.”, дабы редактору Вяч. Полонскому не влетело за то, что даёт хоть малый шанс выжить вполне обозначенному, хотя пока и не осужденному “врагу пролетариата”. Оригинальный стиль его, язык и другие отличительные индивидуальные признаки яркого писательского таланта не узнать невозможно, с кем-нибудь спутать — тоже, даже если бы он свои рецензии никак не обозначал. Роздал долги, хотя и не все. Из Союза писателей получил уведомление, что 25 рублей, выданных ему в порядке взаимопомощи, требуется вернуть в общественную кассу, так как срок погашения долга истёк. “Гигантская” сумма, но и ту Клычков не мог выплатить вовремя...

Тучи над его головой сгущались всё явственнее. Как выяснил поэт Станислав Куняев, получив краткий доступ к архивам КГБ, агентурные донесения на

Клычкова стали поступать на Лубянку уже с 1934 года (“Растерзанные тени”, М., Голос, 1995). Клычков давно всё понимает и всё чувствует; понимает и то, что он обречён.

Одна из знакомых Сергея Антоновича писала: “В 1934-м году я встретила Клычкова в последний раз... И была потрясена жуткой переменой, которая с ним произошла... Осунувшийся... Дряблый... Растерянный... Разбросанный — он выглядел значительно старше своих лет...”

В стихотворении, посвящённом новой жене Варваре Горбачёвой, он пишет в это время:

*Вот она — весна с повязкой
По кудрям зари лесной.
Может быть, последней сказкой
Вдаль уходит — за весной,
За весной, твоей судьбою
Дальше — страх, и ночь, и синь!
Сядь со мною, сядь со мною
Иль навек уйди и сгинь.
Завтра, может быть, не вспыхнет
Над землёй зари костёр.
Сердце навсегда утихнет,
Смерть придёт — полночный вор.
Пусть же здесь, как жемчугами
Убирал я каждый след,
Память сгинет вместе с нами
В чёрный омут чёрных лет.
Но останься ты (до срока),
Чтоб хранить последний шаг,
Ведь недаром же сорока
Поутру сказала — враг!*

II

Куда податься затравленному “врагу”, коль кругом бывшие друзья и знакомые его сторонятся; да ещё в НКВД прекрасно знают, что сосланному в Нарым “отцу кулацкой литературы” Николаю Клюеву от нищей по-настоящему семьи Клычковых (живут на скудные гонорары супруги) приходят денежные переводы, посылки и письма?... Куда? Снова — визит к Горькому. Тот посоветовал сходить в Госиздат, заваленный рукописями из провинции, где требовались внештатные редакторы-правщики. Клычков получил рукопись “Янгал-маа” (по-вогульски “Тундра”). Книгу сказаний народа манси (вогулов) Клычков назвал “Мадур-Ваза победитель”. Опять не обошлось без скандала. Михаил Плотников, приславший рукопись, надолго отбыл на север — скорее всего, специально не оставив координат, поскольку не без причин полагал, что вскоре его объявят в розыск (так и случилось: судьба, схожая с клычковской!), и узнал о судьбе своего творения, лишь когда книга, отредактированная Клычковым, стала публиковаться в “Новом мире”. Недоброжелатели обвинили Сергея Клычкова в плагиате. После литературного расследования авторов примирили, издав оба текста под одной обложкой.

В середине 30-х годов Сергей Антонович получает подстрочник нескольких глав киргизского эпоса “Манас” в издательстве “Academia” и в короткий срок создаёт поэму “Алмамбет и Алтынай”. Свои стихи пишет в стол — не публикуют. Один из циклов так и называется: “Нищий стол” (изъят НКВД при аресте и вряд ли будет разыскан).

За его спиной между тем сгущаются тучи. Политредактор Роза Моисеевна Бегай строчит донос в НКВД, в котором “расшифровывает” перевод с подстрочника как инструкцию затоаившимся троцкистам и форменную агитационную клевету на советскую действительность, упорно называя главу из киргизского эпоса “поэмой Клычкова”. Настаивает, что “поэма написана по тезисам извне” и что поэт однозначно “продан, а не предан”. Впрочем, агентурные

донесения, характеризующие поведение и высказывания поэта, стали поступать в “органы”, как сказано выше, уже с 1934 года. Бегак подвела черту...

Сергей Конёнков в книге “Мой век” описывает, как Есенин и Клычков (“два Сергея, два друга – метель да вьюга”), распевали “любовный разбойничий романс” “Живёт моя отрада”, который сочинил Сергей Клычков. Справедливости ради надо уточнить, что стихотворение “Удалец” написал Сергей Фёдорович Рыскин (1859–1895), и впервые оно напечатано в его сборнике “Первый шаг” в 1888 году. Однако нет сведений, что после публикации народ запел “Удальца”. Сергей Антонович отредактировал стихи для себя, начиная с первой строки: у Рыскина – “Живёт моя красота...” – убрал несколько строк и... вполне вероятно, что “приделал” мелодию: народных песен он знал великое множество и прекрасно их исполнял, то есть был очень музыкален. Во всяком случае, сегодня народ распевает ведь не вариант Рыскина, а вариант Клычкова, не помышляя при этом об авторстве: песня сделалась поистине народной. А чтобы вся Россия подхватила, так надо ж было кому-то первому запеть...

Первые “возрождённые” книжки погубленного поэта и прозаика были изданы в Москве в середине 1980-х г. стараниями поэта и литературного критика Николая Банникова. А одна из первых, вышедших на его “малой родине” – в г. Талдоме в 1996 году, издавалась при финансовой поддержке банкира и знатока русской литературы – Олега Евгеньевича Зайцева. Низкий ему за это поклон – Олег Евгеньевич, по существу, повторил благородный поступок Модеста Ильича Чайковского, который в своё время профинансировал первую книгу Клычкова – “Песни” (1911 г.), приоткрыв для него двери в большую литературу.

В год 120-летия Сергея Антоновича Клычкова, в год грядущих первых Международно-литературных клычковских чтений на базе Литературного института им. А. М. Горького, в издательстве “Московия” вышла книга С. А. Клычкова “Сорочье царство”, проиллюстрированная детьми из талдомского Лицея искусств и Колледжа декоративно-прикладного искусства и народных промыслов. А в издательстве “Голос-пресс”, благодаря талдомским меценатам А. С. Левшину и С. Н. Трошину, переиздан сборник “Сараспан”, который увидел свет в Государственном издательстве “Художественная литература” в 1936 году и с тех пор не переиздавался: через 11 месяцев автор будет расстрелян как “враг народа” – по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности.

“Мадур...” и сборник “Сараспан” обратили на себя внимание литературной общественности. Уже в “перестроечном” журнале “Огонёк” преклонных лет поэт и переводчик Семён Липкин вспоминал: “В середине тридцатых годов Гослитиздат учинил закрытый конкурс на лучший перевод главы из киргизского эпоса “Манас”. Соискателей <...> было много, человек двадцать, среди них – *именитые* (выделено мной. – В. М.): Сергей Клычков, Василий Казин, Георгий Шенгели”.

Сергей Клычков неспроста взялся за переводы именно народного творчества и творчества народных поэтов. Исследователь Н. И. Неженец в книге “Поэзия народных традиций” (М., “Наука”, 1988), говоря о раннем творчестве С. А. Клычкова, совершенно справедливо пишет: “В своём творчестве Клычков шёл за народными певцами и сказителями; материалом для его стихов служили их устные сказы, легенды, притчи, песни”.

Ранний романтизм Клычкова можно назвать фольклорно-идиллическим. Его основой являлась песенная и сказочная поэзия народа. Молодой автор писал как бы по рецептам народных певцов и сказителей, отбирая в их творчестве лишь такие идеи и образы, которые способствовали созданию мира возвышенного”. Дальше: “Темы, идеи, образы Клычкова получали своё раскрытие прежде всего в романтизированной интонационной среде. Эмоционально-ритмическое оформление стихотворной речи, её словарь и синтаксис способствовали созданию в произведении особого лирического подтекста, в котором явственно ощущалось восторженное отношение автора к природе, людям, жизни вообще”.

Клычков спас от забвения многие произведения фольклора народов СССР. Через него к русскому читателю пришла одна из многочисленных восточных легенд (её начало) “Алямжи Мергени Госхон” и прекрасно адаптированная к русскому восприятию узбекская легенда о мудреце Эдыге. Глубоко

народные образы, которые использовал Сергей Антонович в своих переводах, удачно решили одновременно две задачи: познакомили русского читателя с бытом и нравами Востока и одновременно не вызвали отторжения внешней чуждостью и экзотичностью, сближая разные литературы и народы. В этом — одна из больших его заслуг как мастера-переводчика.

... В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года Сергей Антонович был арестован на даче родителей жены в Катугаре. Был осуждён по двум “антисоветским” статьям и 8 октября того же года расстрелян. В тот период трупы “врагов народа” хоронили скрытно и скопом во рву у стены Донского монастыря. Следователь с печальной фамилией Журбенко, утвердивший смертный приговор, вскоре сам был расстрелян — во время очередной “чистки” на Лубянке... А 25 июля 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР Сергей Антонович Клычков был посмертно реабилитирован — “за отсутствием состава преступления”. Кто бы сомневался в отсутствии этого состава...

Ушёл из жизни Дмитрий Петрович Ильин — оптимист, балагур, человек, поражавший — и заражавший — наивно-несокрушимой верой в торжество разума и справедливости. Ильин родился в Ленинграде в 1938 году. Здесь же окончил Высшее военно-морское училище. Однако вместо моря на долгие годы угодил в глухую забайкальскую тайгу: родные нужны были ракетчики. Демобилизовавшись в середине восьмидесятых, Ильин поступил на работу в издательство “Современник”. А в 1990-м Станислав Куняев, незадолго перед тем назначенный главным редактором журнала “Наш современник”, пригласил его первым заместителем.

То был яркий, можно даже сказать легендарный период — один из двух или трёх в истории “Нашего современника”. Новый главный собрал вокруг себя молодые таланты — философа Дмитрия Галковского, прозаика Александра Сегеня, журналиста Андрея Писарева, историка церкви Сергея Фомина, геополитика Вадима Штепу, публициста Алексея Широпаева. Чтобы справиться с этой креативной вольницей, требовалась “жёсткая рука”, и главный решил, что кандидатуры лучше Ильина с его армейской выучкой, но и с любовью к литературе, не найти. Как справился Дмитрий Петрович с этой почти неразрешимой задачей, наверное, расскажут будущие мемуаристы — благо, людей пишущих у него в подчинении было достаточно.

В 1991 году Ильин ушёл из редакции, но продолжал активно сотрудничать с журналом, публикуя оригинальные литературоведческие статьи. В последние годы Дмитрий Петрович много болел.

Мир праху твоему, верный современниковоец!

Редакция